

ПРОБЛЕМА ПОСРЕДНИЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ХЛЕБНОЙ ТОРГОВЛЕ 2-Й ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВВ. И ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ЕГО ОГРАНИЧЕНИЯ

Во 2-й половине XIX — начале XX вв. торговля хлебом играла ведущую роль в общем торговом балансе России. Именно хлебная торговля имела непреходящее значение как основная отрасль российского экспорта и один из главных источников валютных поступлений для экономики страны со средним уровнем развития, обладающей при этом огромными пространствами и многочисленным крестьянским населением.

Однако существенной проблемой хлебной торговли в России изучаемого периода было участие в ней большого количества посредников, наживавшихся на «спекуляции» хлебом. И чем больше посредников было между производителем и потребителем, тем худшее положение складывалось для них обоих. Ведь цена конечного продукта неизбежно возвышается на сумму всех вознаграждений, получаемых посредниками. В таких условиях производитель вынужден реализовывать свою продукцию по невыгодным минимальным расценкам, порой даже убыточным, а до потребителя продукт первой необходимости доходит по несоразмерно высокой цене.

Еще в XVIII в. в отечественном законодательстве существовали правила о базарной и ярмарочной торговле, касавшиеся ее сосредоточения на определенных местах и площадях, а также воспрещения перекупщикам скупать сельскохозяйственные произведения вне этих мест.¹ Однако и на рубеже XIX–XX вв. эта проблема волновала сельхозпроизводителей, неоднократно вовлекаемых в ее обсуждение на стра-

ницах печати, дабы привлечь к ней внимание властей разного уровня².

Профессор Т.М. Китанина, проведя глубокое научное исследование, показала, что в районах преобладания мелкого землевладения, в частности, в северно-черноземных и волжских губерниях, где культивировались серые хлеба, наблюдалось обилие мелких торговых посредников. И чем не состоятельнее был производитель, тем через большее количество рук проходило его зерно. Без мелких комиссионеров, которые в разных губерниях именовались «ссыпщик, кулак, воряг, прасол, мартышка» и пр.,³ не обходилась базарная торговля сел и уездных городов. Однако нередко они перехватывали крестьянские обозы на пути к рынкам, совершая сделки по заниженным ценам, а затем передавая зерно более крупным посредникам — владельцам амбаров и хранилищ на железнодорожных станциях и в окрестностях городов⁴. Исследователь рынка Поволжья Н.Ф. Тагирова описывает сложившийся обычай: «День и ночь по степи тянутся вереницы обозов с хлебом: крестьяне везут зерно на базар или пристань. Усталые, изможденные лица. Приближается рассвет. Вдруг впереди появились беспорядочные огни, слышны голоса. Это перекупщики спешат заешево купить товар прямо на дороге. Сговорившись о

¹ Так, Сенатский указ от 14 января 1725 г., вводивший запрет на перекупку сельхозпродуктов, «отъезжая в уезды и на дорогах», т.е. вне специально отведенных для торговли мест, устанавливал: «...а буде оные перекупщики и промышленники в вышеозначенные неуказные часы покупать или в уезды отъезжать и закупать и с продавцами согласие и вязки иметь будут, и у таких по поимке их взято будет все то, что купил, из которого половину на гошпиталь, а другая половина отдана будет доносителю...». Полное собрание законов российской империи. Собрание первое (ПСЗ – I). Т. VII. № 4634. Января 14 1725 г. Сенатский. «О продаже съестных припасов во всех городах по умеренным ценам и о воспрещении перекупа пригоняемого в С. Петербург скота и привозимых окрестными жителями припасов и продуктов». – С. 402–404.

² Так проблема посредничества в российской хлебной торговле в 1890 г. получила всестороннее освещение на страницах Журналов Сельскохозяйственного общества Таганрогского округа. В статье С.Ф. Номикосова «О посредниках хлебной торговли» представлена природа этого явления, показано негативное влияние посредничества на развитие хлебного производства и хлебной торговли в России и предложены некоторые пути решения проблемы. Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд 20 (Департамент Торговли и Мануфактур Министерства Финансов). Оп. 10. Д. 46. Л. 160 – 175. Номикосов С.Ф. «О посредниках хлебной торговли». // Журналы Сельско-хозяйственного общества Таганрогского округа. Вып. № 19–22. 1890.

³ Роднов М.И., Дегтярев А. Н. Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века. – Уфа, 2008. – С. 145.

⁴ Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. – СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2011. – С. 83.

цене, они начинают жеребьевку, и случай определяет покупателя и продавца»⁵.

На страницах «Журналов сельскохозяйственного общества Таганрогского округа», неоднократно поднимавших вопрос о необходимости устранения «излишнего» посредничества в хлебной торговле, С.Ф. Номикосов яркими штрихами представил иерархическую галерею типических портретов коммерсантов 80-х — 90-х гг. XIX в., наживавшихся на спекуляции хлебом. «Кулак низшего порядка, отличающийся по внешности от мужика только тем, что и в будни носит поддевку и вытяжные сапоги, обмеривает и обвешивает своего собрата не на живот, а на смерть; но как район его действия мал, а капитал и совсем микроскопический, то, в большинстве случаев, все прибыли его — копеечные. За то, непомерно размножаясь, он давит мужика массою. В особенно роскошном развитии тип этот мне пришлось наблюдать в г. Борисоглебске <...>

Кулак второго порядка уже постоянно ходит в длиннополомюртуке и сапогах соскрипом; в большинстве — это здоровенные ребята с сине-багровыми физиономиями и с специфическим запахом сивушного масла; берут они больше нахрапом, услащая свою речь самою отборною непечатною бранью. Иногда кулак этого разбора имеет физиономию вполне благообразною, держит себя скромно, постоянно призывает имя Господа, посещает храм Божий и состоит в дружбе с батюшкой, что не мешает ему скупать хлеб у крестьян тоже с некоторою надбавкою против городских цен, а у своих меньших собратий, кулаков низшего порядка, с значительною уступкою с цен местных. Этот тип торгового спрута ненавистен крестьянам своим ханжеством и лицемерием при беспощадной жестокости.

Затем на юге России идут юркие евреи, греки, армяне и др. восточные человеки, покупающие хлеб на многие тысячи рублей и, в случае неудачного исхода безобразно рискованных спекуляций, умеющие всегда вовремя и незаметно исчезнуть, поднадув тысяч на десяток-другой и банки, и своих поставщиков хлеба.

В вершине кулаков стоит кулак портовых городов и вообще мест бойкой хлебной торговли. По наружному виду он вполне безукоризненный и то, что называется, без разбору, «джентльмен»; ходит он в платье от первоклассных художников ножниц и иголки, в тонком белье, с необычайно толстою цепью у часов, и массою дорогих перстней, развезжает в шегольском собственном экипаже, на дорогих лошадях... Это уже *комиссионер* крупных хлебных фирм, не имеющий ча-

сто алтына за душой, а проживающий десятки тысяч руб., благодаря хлебу, скупаемому низшими кулаками и проходящему через его, украшенные перстнями, но не чистые руки.

Чем выше стоит кулак, тем он вреднее, ибо тем ненасытнее его аппетит. Русскому-же производителю хлеба приходится и выпивать водкой кулака низшего порядка, и отпаивать шампанским г. комиссионера, и доставлять разные гешефты для многочисленных Иакозов с их Ривками и Гершками»⁶.

Почти все сделки осуществлялись с наличным хлебом, но иногда имела место выдача аванса под будущий урожай. Скупка зерна «на корню» была вынужденной, тягостной для крестьян и выгодной для посредников, ибо производилась по предельно низким ценам. «Странствуя по деревням в то время, когда «виды на урожай» более или менее уже определились, а размер посева каждого домохозяина досконально известен, скупщики предлагают крестьянам деньги вперед, под хлеб, с уступкою от 30 до 50 коп. на четверти, против городской цены и с обязательством продать весь урожай хлеба именно ему, скупщику, а не кому либо другому <...> скупщик на свой капитал, в течение 4-5 месяцев, зарабатывает 20%, уплачивая сам, за это время, от 3½ до 5%. Уже и этот заработок, сам по себе довольно солиден, но <...> скупщик же назначает цену на рубль или 1½ руб. дешевле его действительной стоимости. К крупным производителям хлеба скупщики не ездят, выжидая их в своих конторах и если какой несчастный, давимый нуждою в деньгах, является к благодетелю-негоцианту за продать свой хлеб, то этот последний обязывает его таким контрактом, выпутаться из которого возможно только при особенной милости Божией. Помимо того, что производитель обязывается доставить в контору покупателя к известному времени определенное количество лучшего качества хлеба, покупатель ставит неустойку обыкновенно по 50 к. с каждой не доставленной в срок четверти хлеба. Благодаря этому условию штрафы вырастают за каждые сутки в 400-500 руб., а первоначальный заем в 5-6 т.руб. обращается уже в долг 70-80 т. Ловушка, как видите, простая, но, благодаря ей лопаются, не редко весьма солидные состояния. Более благоразумные негоцианты душат не сразу, а затягивают петлю на более продолжительное время. Помещику, просрочившему доставку хлеба 2-3 недели мягкосердечный грек великодушно прощает безобразно вздутую неу-

⁵ Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX — начало XX в.). — М., 1999. — С. 7.

⁶ Номикосов С.Ф. «О посредниках хлебной торговли» // Журналы Сельско-Хозяйственного Общества Таганрогского округа. Вып. № 19-й. Среда, 17-го Октября 1890 г. С. 4; РГИА. Ф. 20. Оп. 10. Д. 46. Л. 161 об.

стойку, ограничиваясь штрафом в 50-60 руб. с каждой тысячи р., взятых под хлеб, или скидкой с цены хлеба от 50 коп. до 1 руб. на четверти. Эта милость тоже солено приходится продавцу, так как хитроумный грек не преминет обязать его доставкой хлеба в свою контору и на будущий год»⁷.

Важную роль в борьбе с подобными ростовщическими сделками должно было сыграть развитие льготного кредитования земледельцев через банки и общества взаимного кредита. Однако мелкие скупщики для достижения собственных целей прибегали к таким ухищрениям, борьба с которыми требовала создания специальных законодательных механизмов. Об одной из таких «хитростей», закабалявшей беднейших крестьян, в 1890 г. писал С.Ф. Номикосов: «Скупщик, в большинстве еврей, в местах, где им дозволено жить постоянно, на юге России — грек или армянин, иногда бойкий русский мещанин, — заводит в селе лавочку, из которой и торгует разною мелочью, необходимою в крестьянском быту. Крестьяне берут у торговца продукты в долг, обязуясь доставить за забранный товар свой хлеб. В лавочке эксплуатация производится еще шире, чем наезжими скупщиками. Хорошо зная средства каждого из местных обывателей, зная неотложность нужды, купец налагает на свой товар цены произвольные и берет хлеб по той цене по какой сам вздумает; не совсем еще недобросовестные берут процентов 30-40 на товаре, да делают солидную скидку на хлебе. Операция эта столь выгодна, что порождает сильную конкуренцию, так что в селении с сотнею дворов можно встретить две — три ледащих лавчонки. Благо тому селу, в котором лавчонки, из весьма понятной конкуренции, перебивают друг у друга покупателей и горе крестьянам там, где лавчонки сговорились между собою, вступили в стачку!»⁸ Описанное явление, по свидетельству современника, став в России повсеместным, все более развивалось, особенно в Западном крае.

Ущерб, наносимый посреднической торговлей как непосредственному производителю, так и сельскохозяйственному производству в целом, вынуждены были признать и правительственные органы. В период выхода из кризиса, вызванного последствиями неурожая 1891 г., были разработаны законодательные

меры борьбы с крайними формами посреднической торговли.

Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета от 18 июня 1892 г. вводилась уголовная ответственность за «ростовщические сделки по скупке хлеба у крестьян»⁹. Под таковыми закон понимал приобретение у непосредственных сельхозпроизводителей «по несоразмерно низкой цене хлеба на корню, снопами или зерном, если при совершении сделки скупщик заведомо воспользовался крайне тягостным положением продавца». Виновный в совершении такой сделки в первый раз подлежал наказанию в виде ареста на срок не свыше трех месяцев, во второй и последующий разы — в виде тюремного заключения от одного до шести месяцев. Кроме того, на скупщика возлагалась обязанность доплатить продавцу разницу между уплаченной ему суммой и «действительною ценою проданного хлеба».

Казалось бы, вот она панацея от многих бед, и именно этот закон будет способствовать формированию правового механизма борьбы с самой крайней формой спекуляции хлебом, разоряющей, как его производителей, так и потребителей. Однако благие намерения основной части закона были во многом нейтрализованы примечанием, которое гласило: «Правила сей статьи не применяются к покупке наличного хлеба у крестьян на базарах, ярмарках и в других местах, предназначенных для торговли, при условии немедленной передачи покупщику приобретенного им хлеба»¹⁰. В итоге результаты борьбы с «ростовщическими сделками по скупке хлеба у крестьян» оказались весьма скромными.

О том, что закон 1892 г. на практике не привел к существенному изменению положения в хлебной торговле свидетельствовали многочисленные факты, доведшиеся до сведения Министра Финансов С.Ю. Витте¹¹ и изложенные в средствах массовой информации. Так в «Биржевых ведомостях» от 7 (19) марта 1899 г. № 64 описывался «порядок» организации хлебной торговли, с которым на юге России приходилось считаться непосредственным производителям хлеба. «К городу, представляющему собой один из крупных

⁷ Номикосов С.Ф. «О посредниках хлебной торговли». // Журналы Сельско-Хозяйственного Общества Таганрогского округа. Вып. № 19-й. Среда, 17-го Октября 1890 г. С. 4-5; РГИА. Ф. 20. Оп. 10. Д. 46. Л. 161 об. — 162.

⁸ Номикосов С.Ф. «О посредниках хлебной торговли». // Журналы Сельско-Хозяйственного Общества Таганрогского округа. Вып. № 19-й. Среда, 17-го Октября 1890 г. С. 5; РГИА. Ф. 20. Оп. 10. Д. 46. Л. 162.

⁹ Полное собрание законов российской империи. Собрание третье (ПСЗ – III). Т. XII. № 8750. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета 18 июня 1892 г. «Об установлении ответственности за ростовщические сделки по скупке хлеба у крестьян». С. 476.

¹⁰ Там же.

¹¹ РГИА. Ф. 22 (Центральные Учреждения Министерства Финансов по части торговли и промышленности). Оп. 4. Д. 489. Л. 30-30 об, 69-72; РГИА. Ф. 22. Оп. 2. Д. 1477. Л. 33-37, 166 об — 167.

центров хлебной торговли на юге России, подъезжает подвода, нагруженная мешками с зерновым хлебом. Версты за две до города подводу встречают маклера разных хлеботорговцев, прозванные местным населением «кониками» за свою неутомимость в бегании за мужичками, привозящими хлеб. <...> «Коники» уже порешили между собой, кто из них на этот раз должен быть действительным покупателем. Гурьбой они окружают крестьянина и его подводу и наперерыв один перед другим начинают ему сулить плату за его хлеб, предлагая сдать его в том или другом магазине местных хлеботорговцев // — Идуть к бисовому батьке, — огрызается хохол в ответ на приставание коников, — и сам знаю де гамазины (магазины) // «Коники» начали сулить крестьянину невозможно низкие цены, видя же его несговорчивость тот из «коников», которому по предварительному условию всей компанией было предоставлено право покупки, даст, наконец, высшую цену против всех остальных «коников», но все-таки с таким расчетом, чтобы ему от действительной стоимости хлеба осталось получить у «магазинера» не менее одной-двух копеек с каждого пуда. Если и после этого крестьянин не соглашается везти свой хлеб за посулившим ему высшую цену «коником», тогда все «коники» от него отходят. // — Ну, вези сам, — говорят они крестьянину, — посмотрим, кому ты продашь и кто у тебя купит. // Эта угроза заставляет крестьянина повиноваться и везти свой хлеб в магазин, которого представителем явился «коник», посуливший ему высшую цену. Крестьянин очень хорошо знает, что если он подвезет свой хлеб к магазину не в сопровождении «коника», то ни один «магазинер» хлеба у него не купит. Таков уж порядок <...> Но вот хлеб подвезен к магазину, и начинается другая история. По мере того, как хлеб сносится в магазин, приемщик берет из каждого мешка на пробу по доброй горсти зерна и напускается на «коника», что тот будто бы купил крайне недоброкачественный хлеб; «коник» оправдывается, за качество зерна вступается продавец и завязывается ожесточенный спор. Тем временем мешки с хлебом поспешно взвешиваются, около весов вертится несколько других «коников», как-бы нечаянно, они, в пылу занятия взвешиванием, берутся за цепи весов и притом всегда так, что бедный продавец в результате оказывается обвешенным на несколько пудов. Продавец крестьянин ругается, объясняя, что сам он дома взвешивал хлеб и у него его выходило более, но зерно уже ссыпано в общую кучу и назад его взять нельзя, да и бесполезно, так как все равно и в другом магазине его постигнет та же участь»¹².

¹² РГИА. Ф. 22. Оп. 4. Д. 489. Л. 20.

Думается, что нормы, включенные правительством в примечание закона 1892 г., во многом обуславливались реальной действительностью: низким уровнем сельской инфраструктуры и бедностью самих крестьян, не имевших ни собственных складов для хранения хлеба до более выгодных цен, ни подвод или иного вида транспорта для перевозки хлеба с целью его более выгодной продажи. Потому, как замечалось в прессе, «дело так сложилось, что раз хозяин доставил партию своего хлеба в город, он вынужден его продать, хотя бы и по цене ниже производства. Ссыпка в амбары на хранение, по дороговизне этих помещений, и выжидание повышения цен в течение неопределенного времени доступны только людям денежным, имеющим свободный оборотный капитал; между тем громадное большинство производителей, доставивши свой хлеб, желает разделаться с ним, по возможности скорее, в виду давней необходимости в деньгах»¹³.

Не случайно, исследователи хлебной торговли Уфимской губернии М.И. Роднов и А.Н. Дегтярев обратили внимание на то, что именно нерентабельность самостоятельных перевозок для продажи небольшого количества зерна на дальние расстояния приводила к тому, что по-прежнему «бедное (полунатуральное) крестьянство находилось во власти скупщиков, продавая осенью зерно из нужды, для уплаты налогов и частных долгов, а по весне покупая его обратно. ... Представитель Боголюбовского товарищества на совещании в 1908 г. рассказывал, что «один крестьянин продал последний хлеб — пшеницу — по 35 коп. за пуд богатому мужику в то время, как на базаре пшеницу продавали по 45 коп. Весной цена на пшеницу поднялась на базарах до 80 коп. за пуд и крестьянин у того же богача покупал по 70-80 коп. за пуд». Делегат от Айгулевского товарищества добавлял: «Мне пришлось продать в сентябре 100 пуд. пшеницы по 80 коп. за пуд, а в декабре такую же пшеницу я принужден был покупать, заготовляя ее к весеннему посеву, по 1 руб. 13 к.». Зато сельский предприниматель, имевший средства для уплаты в срок налогов, мог планировать реализацию своего урожая, дожидаться выгодной цены. И, кроме того, часто он сам выступал первичным скупщиком хлеба у соседей, зерном с ним рассчитывались односельчане за взятые ссуды, использование инвентаря, наем лошадей»¹⁴.

¹³ РГИА. Ф. 20. Оп. 10. Д. 46. Л. 166 об. Номикосов С.Ф. «О посредниках хлебной торговли» // Журналы Сельско-хозяйственного общества Таганрогского округа. Вып. № 20. Суббота, 27-го Октября 1890 г. — С. 2.

¹⁴ Роднов М.И., Дегтярев А.Н. Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX — начале XX вв. Уфа, 2008. — С. 143.

То же явление наблюдалось в сибирской хлебной торговле. «Почти все крестьяне-собственники находятся безусловно в руках скупщиков; весь наличный урожай поступает, за малым исключением, в их амбары; сами они устанавливают цены на хлеб и то повышают их, то понижают по своему произволу»¹⁵. И хотя, как показала М.В. Константинова, исследовавшая особенности хлебной торговли в Енисейской губернии¹⁶, местные органы власти, признавая скупку хлеба у крестьян по очень низким ценам одной из главных проблем, пытались бороться со скупщиками сельскохозяйственных продуктов через торговую полицию, острота этой проблемы по-прежнему сохранялась.

В правительственных кругах неоднократно поднимался вопрос о необходимости не только законодательного запрещения скупки сельскохозяйственной продукции на дорогах и улицах у производителей, везущих свой товар на городские и сельские базары, с разрешением его продажи исключительно на отведенных для торговли местах, но и установлении уголовного наказания за нарушение этого запрета. Но дальше обсуждений и признания властями собственной беспомощности в борьбе со скупкой на городских улицах и проезжих дорогах сельскохозяйственных произведений, решение проблемы не продвинулось¹⁷.

В итоге, при всем разнообразии, вызванном спецификой хозяйственного развития районов, внутренняя хлебная торговля повсеместно отличалась тем, что хотя губернаторы «в интересах народного продовольствия» и «бдительно» надзирали «за свободною и беспрепятственною торговлею хлебом и другими жизненными припасами»¹⁸, а также принимали меры против «перекупа» этих товаров и «непомерного повышения цен»¹⁹, «почти всюду громадную роль играл мелкий

скупщик-комиссионер, всюду зерно проходило через множество рук, и всюду с цены продукта отчислялась доля в пользу бесчисленных спекулянтов»²⁰, что приводило к значительному удорожанию этого продукта первой необходимости для потребителя.

Специфический оттенок рассматриваемая проблема получила на страницах печати в 1911 г., в связи с общим обострением в стране «еврейского вопроса». 30 апреля 1911 г. Министру Торговли и Промышленности С.И. Тимашеву, Министру Финансов В.Н. Кокцову, Министру путей сообщения С.В. Рухлову и помощнику Военного Министра А.А. Поливанову было направлено официальное письмо за подписью Председателя Совета Министров П. . Столыпина, ярко демонстрирующее распространившиеся в стране настроения. Текст этого письма приведем полностью.

«В составленном по моему распоряжению обзоре русской периодической печати по вопросу о евреях в отечественной хлебной торговле имеются многочисленные указания на полный почти захват евреями означенной торговли в свои руки. Пользуясь широким кредитом в Государственном Банке, а также в финансируемых им частных коммерческих банках, евреи являются хозяевами не только наших внутренних хлебных рынков, но и главными экспортерами зерна за границу. Такое преобладающее положение евреев в хлебной торговле повело к крайне пагубным для означенной отрасли промышленности последствиям. Не говоря уже о приданном хлебной торговле спекулятивном характере, чему немало способствует применяющаяся система выдачи ссуд под железнодорожные дубликаты на хлеб, еврейские фирмы весьма часто не останавливаются даже перед чисто мошенническими приемами. Спаивание крестьян, в целях скупки у них хлеба по пониженной расценке, подкуп низших железнодорожных агентов при перевозке зерна и, наконец, составление и предъявление к учету подложных грузовых документов сделались за последнее время обычными явлениями. Но наиболее серьезный вред, наносимый евреями нашей хлебной торговле, заключается в искусственном засорении вывозимого хлеба. Дело дошло до того, что русский хлеб обесценен на зарубежных рынках, а на некоторых из них и вовсе не находит себе сбыта, несмотря на свои высокие природные качества. Крупные убытки от еврейского засилья в хлебной торговле несет и военное ведомство на своих продовольственных закупках у евреев-поставщиков интендантства.

¹⁵ Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2011. С. 87.

¹⁶ Константинова М.В. Хлебная торговля в Енисейской губернии в середине XIX – начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2007. С. 157-161.

¹⁷ РГИА. Ф. 22. Оп. 2. Д. 1477. 33-37 об.

¹⁸ Лексис В. Торговля. Ч. II. Рига, 1914. С. 129; Свод законов Российской империи. Все 16 томов со всеми относящимися к ним продолжениями в одной книге. Под ред. Ф. Волкова, Ю.Д. Филиппова. – СПб., 1900. Т. XIII. (Издание 1892 г.). Устав об обеспечении Народного Продовольствия. – С. 10.

¹⁹ Свод законов Российской империи. Все 16 томов со всеми относящимися к ним продолжениями в одной книге / под ред. Ф. Волкова, Ю.Д. Филиппова. СПб., 1900. Т. XIII. (Издание 1892 г.). Устав об обеспечении Народного Продовольствия. – С. 11.

²⁰ Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. – СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2011. – С. 87.

Препровождая при сем экземпляр вышеупомянутого обзора к Вашему Высокопревосходительству, я считаю своим долгом покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, не отказать обратить на приведенные в нем сведения надлежащее внимание, а засим почтить меня Вашим сообщением о тех мерах, кои Вы изволите признать необходимыми по настоящему предмету со стороны ВЫСОЧАЙШЕ вверенного Вам ведомства.

Прошу принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности»²¹.

Однако попытка «акул пера» свалить все проблемы хлебной торговли на евреев у большинства высших должностных лиц поддержки не нашла. В частности, Министр Финансов выразил уверенность в том, что отрицательные явления, на которые было указано в печати, стали результатом общей дезорганизации отечественной хлебной торговли. То же обстоятельство, что в торговле хлебом доминирующая роль принадлежит евреям, не вызывало удивления в условиях, когда «в южной и западной России не только хлебная, но вообще вся торговля находится в еврейских руках; мало того, даже в некоторых пунктах, находящихся за пределами черты оседлости, роль евреев в торгово-промышленной жизни весьма значительна, как например, в Москве, где свыше 60% купцов I-ой гильдии составляют лица иудейского исповедания...»²².

Министр Торговли и Промышленности обратил внимание на то, что «едва ли возможно было бы ослабить участие евреев в хлебной торговле путем ограничения кредита, открываемого им банковскими учреждениями, так как последние оказывают кредит, руководствуясь исключительно соображениями о благонадежности, а не о национальности своих клиентов, причем устранение от пользования банковым кредитом лиц, принадлежащих к известной национальности, находилось бы в прямом противоречии с уставами наших кредитных учреждений. Не усматривая, в виду изложенных соображений, возможности принятия каких либо специальных мер, направленных к стеснению или же ограничению участия евреев в хлебной торговле, я, вместе с тем, полагал бы, что, в случае совершения евреями, занимающимися хлебною торговлею, каких либо мошеннических проступков, они за подобные деяния, конечно, должны подлежать общей гражданской и уголовной ответственности, на основании действующих в Империи узаконений, причем самое возбуждение дел о привлечении к ответственности евреев, обвиняемых в совершении обманных действий, должно происходить на общем же основании, по жало-

бе со стороны самих потерпевших от таких действий лиц, и едва ли возможно какое либо вмешательство в такие дела со стороны Правительства...»²³.

Помощник же Военного Министра признал, что «крупные хлебопромышленники евреи для устранения взаимной между собою конкуренции издавна и полюбовно размежевали между собою Киевский округ по губерниям и, поделив таким образом округ, они смело спекулируют на торгах, при чем действуют так, что последние, т.е. торги, из года в год проходят неудовлетворительно, заканчиваясь на искусственно повышенных ценах, почти всегда и значительно превышающих цены секретные <...> Киевские евреи хлебопромышленники умело и плодотворно пользуются всякими средствами и льготами для успешного ведения операции по выполнению интендантских поставок в собственных интересах...»²⁴. Подобное положение сложилось также в Одесском, Виленском и Варшавском военных округах и по сведениям Помощника Министра «постепенно распространялось далее на восток». Выход из этого положения Военное Министерство видело в приобретении Интендантским ведомством хлеба только у непосредственного производителя. В ответном письме на имя П.А. Столыпина А.А. Поливанов сообщал, что «по продовольственному плану на текущий 1911 г. было признано допустимым к торгам обращаться только тогда, когда выяснится полная невозможность приобрести нужные продукты от непосредственных производителей. Такой порядок будет сохранен и на 1912 г. <...> Вводимый на сих днях новый институт корпусных и дивизионных интендантов дает основание предполагать, что дело закупок у сельских хозяев не приостановится, а напротив того получит большее распространение, так как эти интенданты, поставленные ближе к населению, будут иметь большую возможность завязать и установить прочные сношения с сельскими хозяевами к обоюдной выгоде обеих сторон. Независимо от этих мер Ваше Высокопревосходительство также осведомлены, что военное ведомство энергично хлопочет о том, чтобы часть своих заготовительных операций передать на обязанности земств на основании особых правил, которые в первой своей статье заключают требование, чтобы продукты земством выкупались исключительно от землевладельцев и от крестьян на базарах...»²⁵.

Сохранявшиеся проблемы организации хлебной торговли (обеспечения качества товарного хлеба;

²³ Там же. Л. 5-5 об.

²⁴ Там же. Л. 8 об. – 9.

²⁵ Там же. Л. 10-10 об.

²¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 121. Л. 1 – 1 об.

²² Там же. Л. 2-2 об.

устранения недостатка элеваторов и зернохранилищ, затруднявшего ссудные под хлеб операции; сокращения числа посредников, наживавшихся на спекуляции хлебом, и др.) и перманентно возникавшие трудности реализации собранного урожая на сколько-нибудь выгодных для непосредственного производителя условиях порождали самые «смелые» законодательные предложения, вносившиеся в Государственную Думу III и IV созывов. Так 13 марта 1912 г. в Государственную Думу за подписью 82 членов был внесен законопроект, предполагавший введение правительственной монополии на вывоз хлеба за границу и установление цен на хлеб «законодательными учреждениями»²⁶. А через год, 13 марта 1913 г., последовал новый законопроект за подписью 37 членов, объявлявший хлебную торговлю исключительной регалией государства и предлагавший распространить государственную монополию не только на внешнюю, но и на внутреннюю торговлю хлебом.²⁷

Однако в России рубежа XIX — XX вв., где реализация урожая являлась подведением итогов годичной деятельности 80% населения, непосредственно занятого сельскохозяйственным промыслом, и отражалась на всей промышленной и торговой жизни, монополизация государством внутренней хлебной торговли была бы равносильна учреждению правительственной опеки над всем частным хозяйством в стране. Государство не просто не было готово к многомиллиардным денежным вложениям, необходимым для грамотной реализации подобных законопроектов²⁸, и взятию на себя всех финансовых рисков сельскохозяйственного производства. Это противоречило бы основным принципам буржуазных отношений, связанным со свободой предпринимательства и защитой прав собствен-

ников, и было возможно только в результате коренной ломки всего общественно-экономического уклада. Потому подобные предложения в правительственных кругах были признаны утопическими, а значит — неприемлемыми²⁹.

Цели же, которые преследовали «авторы законодательного предположения «о хлебной торговле» — упорядочить как внешнюю, так и внутреннюю торговлю хлебом, оказать в благоприятном смысле влияние на хлебные цены и удержать производителей зерновых продуктов от несвоевременной и поспешной реализации хлебного урожая», по мнению Министерства Финансов, могли быть достигнуты «не установлением государственной хлебной монополии, а путем, с одной стороны, создания сети станционных, распределительных и портовых зернохранилищ и планомерной их эксплуатации распоряжением Правительства и, с другой, — путем постепенного привлечения к созданию сети мелких зернохранилищ всего сельского населения России через посредство учреждений мелкого кредита»³⁰.

Именно в этом направлении Правительство активизировало свою деятельность в начале 2-го десятилетия XX в.³¹ Расширение сети элеваторов средствами Государственного Банка в начале второго десятилетия XX в. прокладывало путь усиления государственного вмешательства в область хлебной торговли, дающий дополнительные возможности для решения важнейших задач:

- 1) продовольственного обеспечения государства, формирования государственных фондов и государственных резервов зерна для внутреннего потребления на случай неурожая;
- 2) улучшения качества товарного хлеба;
- 3) упорядочения его хранения и торговли;
- 4) упрощения ссудной под хлеб операции;
- 5) сбалансирования цен, приемлемых и для производителей, и для потребителей этого важнейшего продукта первой необходимости, и, наконец,
- б) сокращения числа посредников, наживавшихся на спекуляции хлебом, а также ограничения их произвола.

²⁶ Текст законодательного предположения 82-х «О мерах к упорядочению хлебной торговли» см.: Промышленность и Торговля в законодательных учреждениях 1907-1912 гг. Доклад Совета Съездов Представителей Промышленности и Торговли VI Очередному Съезду. — СПб., 1912. С. 332-333; РГИА. Ф. 1276 (Совет Министров (1905 – 1917)). Оп. 8. Д. 125 б. Л. 2-10.

²⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 125 б. Л. 41-42.

²⁸ По приблизительным подсчетам Министерства Финансов, при хлебном экспорте, достигающем 500-750 млн. рублей, потребовались бы еще более крупные оборотные капиталы. Только на постройку элеваторов государству необходимо было бы потратить около 730.000.000 рублей. К тому же огромные расходы были бы ежегодно необходимы на их содержание и обслуживание. РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 125 б. Л. 71 об - 73. Приложение к письму Товарища Министра Финансов, тайного советника Вебера на имя Управляющего делами Совета Министров действительного статского советника Плева от 22 апреля 1913 г. за №3426.

²⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 125 б. Л. 77.

³⁰ Там же. Л. 74 об.

³¹ Подробнее о правовом регулировании отношений в сфере учреждения и деятельности товарных складов см.: Жолобова Г.А. Правовое регулирование торгово-промышленных отношений в пореформенной России 1881-1913 гг. — М., 2007. С. 212-228.

Библиографический список:

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд 20 (Департамент Торговли и Мануфактур Министерства Финансов). Опись 10. Дело 46.
2. РГИА. Ф. 22 (Центральные Учреждения Министерства Финансов по части торговли и промышленности). Оп. 2. Д. 1477.
3. РГИА. Ф. 22. Оп. 4. Д. 489.
4. РГИА. Ф. 1276 (Совет Министров (1905-1917)). Оп. 7. Д. 121.
5. РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 125 б.
6. Полное собрание законов российской империи. Собрание первое (ПСЗ — I). Т. VII. № 4634. Января 14 1725 г. Сенатский. «О продаже съестных припасов во всех городах по умеренным ценам и о воспрещении перекупа пригоняемого в С. Петербург скота и привозимых окрестными жителями припасов и продуктов».
7. Полное собрание законов российской империи. Собрание третье (ПСЗ — III). Т. XII. №8750. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета 18 июня 1892 г. «Об установлении ответственности за ростовщические сделки по скупке хлеба у крестьян».
8. Свод законов Российской империи. Все 16 томов со всеми относящимися к ним продолжениями в одной книге / под ред. Ф. Волкова, Ю.Д. Филиппова. — СПб., 1900. Т. XIII. (Издание 1892 г.). Устав об обеспечении Народного Продовольствия.
9. Жолобова Г.А. Правовое регулирование торгово-промышленных отношений в пореформенной России 1881-1913 гг. — М., 2007.
10. Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX вв. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. — СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2011.
11. Константинова М.В. Хлебная торговля в Енисейской губернии в середине XIX — начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. — Красноярск, 2007.
12. Лексис В. Торговля. Ч. II. — Рига, 1914.
13. Номикосов С.Ф. «О посредниках хлебной торговли». // Журналы Сельско-хозяйственного общества Таганрогского округа. Вып. № 19-22. 1890.
14. Промышленность и Торговля в законодательных учреждениях 1907-1912 гг. Доклад Совета Съездов Представителей Промышленности и Торговли VI Очередному Съезду. — СПб., 1912.
15. Роднов М.И., Дегтярев А.Н. Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX — начале XX вв. — Уфа, 2008.
16. Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX — начало XX в.). — М., 1999.

References (transliteration):

1. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA). Fond 20 (Departament Torgovli i Manufaktur Ministerstva Finansov). Opis' 10. Delo
2. RGIA. F. 22 (Tsentral'nye Uchrezhdeniya Ministerstva Finansov po chasti torgovli i promyshlennosti). Op. 2. D. 1477.
3. RGIA. F. 22. Op. 4. D. 489.
4. RGIA. F. 1276 (Sovet Ministrov (1905-1917)). Op. 7. D. 121.
5. RGIA. F. 1276. Op. 8. D. 125 b.
6. Polnoe sobranie zakonov rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe (PSZ — I). T. VII. №4634. Yanvaryaya 14 1725 g. Senatskiy. «O prodazhe s'estnykh pripasov vo vsekh gorodakh po umerennym tsenam i o vospreshchenii perekupa prigonyaemogo v S. Peterburg skota i privozimyykh okrestnymi zhitelyami pripasov i produktov». — S. 402-404.
7. Polnoe sobranie zakonov rossiyskoy imperii. Sobranie tret'e (PSZ — III). T. XII. №8750. Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo Soveta 18 iyunya 1892 g. «Ob ustanovlenii otvetstvennosti za rostovshchicheskie sdelki po skupke khleba u krest'yan». S. 476.
8. Svod zakonov Rossiyskoy imperii. Vse 16 tomov so vseimi otnosyashchimisya k nim prodolzheniyami v odnoy knige. Pod red. F. Volkova, Yu.D. Filippova. SPb., 1900. T. XIII. (Izdanie 1892 g.). Ustav ob obespechenii Narodnogo Prodovol'stviya.
9. Zholobova G.A. Pravovoe regulirovanie torgovo-promyshlennykh otnosheniy v poreformennoy Rossii 1881-1913 godov. — M., 2007.

10. Kitanina T.M. *Khlebnaya trgovlya Rossii v kontse XIX — nachale XX veka. Strategiya vyzhivaniya, modernizatsionnye protsessy, pravitel'stvennaya politika.* — SPb.: «DMITRIY BULANIN», 2011.
11. Konstantinova M.V. *Khlebnaya trgovlya v Eniseyskoy gubernii v seredine XIX — nachale XX vv. Diss. ... kand. ist. nauk.* — Krasnoyarsk, 2007.
12. Leksis V. *Torgovlya. Ch. II.* Riga, 1914.
13. Nomikosov S. F. «O posrednikakh khlebnoy trgovli» // *Zhurnaly Sel'sko-khozyaystvennogo obshchestva Taganrogskogo okruga. Vyp. № 19-22.* 1890 g.
14. *Promyshlennost' i Torgovlya v zakonodatel'nykh uchrezhdeniyakh 1907-1912 gg. Doklad Soveta S'ezdov Predstaviteley Promyshlennosti i Torgovli VI Ocherednomu S'ezdu.* SPb., 1912.
15. Rodnov M.I., Degtyarev A. N. *Khlebnyy rynek Ufimskoy gubernii v kontse XIX — nachale XX veka.* — Ufa, 2008.
16. Tagirova N.F. *Rynok Povolzh'ya (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.).* — M., 1999.

Монография вышла в ВИПК МВД РФ.

По вопросам приобретения обращаться в редакцию или в ВИПК МВД РФ

ISBN 978-5-903271-55-9

МВД РОССИИ

Всероссийский институт
повышения квалификации
сотрудников МВД России

Научные школы Всероссийского института
повышения квалификации сотрудников МВД России

Е.В. Горин, М.В. Костенников, А.В. Куракин

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Москва — 2010

В исследовании рассматриваются специфика и актуальные проблемы административно-правового регулирования общественных отношений, возникающих в связи с противодействием коррупции, обеспечением авиационной безопасности, производством по жалобам в деятельности таможенных органов, контрольно-надзорной деятельности в банковской системе, охраной общественного порядка при проведении публичных мероприятий.

В представленном труде обобщен накопленный научный опыт авторов, а также учеников и коллег, касающийся широкого спектра проблем в сфере административно-правового регулирования.

Подготовленная работа рассчитана на широкий круг читателей: ученых, специалистов-практиков, учащихся высших образовательных учреждений, преподавателей, государственных (муниципальных) служащих, а также сотрудников правоохранительных органов.